

Московский Государственный Университет
им. М.В. Ломоносова
Исторический факультет

На правах рукописи

Курмановский Владимир Сергеевич

**Сабельные клинки в России XVI-XVII вв. :
морфология и конструктивные особенности**

Специальность 07.00.06 – археология

Автореферат диссертации на соискание ученой степени
кандидата исторических наук

Москва - 2010

Работа выполнена на кафедре археологии исторического факультета
Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова.

Научный руководитель: доктор исторических наук,
профессор
Рыбина Елена Александровна

Официальные оппоненты: доктор исторических наук,
профессор
Кирпичников Анатолий Николаевич

кандидат исторических наук
Новоселов Василий Рудольфович

Ведущая организация: Государственный исторический
музей

Защита диссертации состоится «__» _____ 2010 г. в __ часов на
заседании диссертационного совета Д 501.001.78 при Московском
государственном университете им. М. В. Ломоносова по адресу: 119991,
Москва, ГСП-1, Ломоносовский проспект, д. 27, корп. 4, ауд. А 416.

С диссертацией можно ознакомиться в Научной библиотеке МГУ им. М. В.
Ломоносова по адресу: 119991, Москва, ГСП-1, Ленинские горы, МГУ, д. 1,
стр. 51, 1-й учебный корпус.

Автореферат разослан «__» _____ 2010 г.

Ученый секретарь
диссертационного совета
кандидат исторических наук, доцент

Ю.И. Зверева

Общая характеристика работы

Актуальность темы Клинковое оружие - один из наиболее ярких элементов комплекса вооружения, обладающий, помимо боевого, социально-маркирующим значением. При этом клинковое оружие в различных традиционных культурах, в силу его функциональных и статусных особенностей, как правило, является одним из сложнейших и совершеннейших продуктов ремесленного производства. Изучение клинкового оружия позволяет судить как о состоянии технического развития ремесла и военного дела того или иного общества, так и о характере его военных традиций, и культурных связях. Для Московского государства XVI-XVII вв. основным видом боевого клинкового оружия была сабля, к концу XV в. полностью вытеснившая меч.

Период XVI-XVII вв., в сравнении с более ранними эпохами восточноевропейского средневековья, характеризуется лучшей обеспеченностью письменными источниками, в том числе документального характера, что создает возможность комплексного исследования ряда категорий предметов материальной культуры, опирающегося как на вещественные, так и на письменные источники. Все это в полной мере относится и к такой разновидности изделий как клинковое оружие. В то же время сабли, употреблявшиеся в России XVI-XVII вв. с точки зрения их конструктивной специфики фактически ни разу не становились объектом специального исследования.

Объектом исследования являются сабельные клинки, использовавшиеся в Московском государстве XVI-XVII вв. и их документальные описания. Выбор в качестве объекта исследования клинков, а не сабель целиком, определен, во-первых особенностями производства клинкового оружия того времени, когда клинок и оправа (ножны и рукоять) оружия являлись отдельными продуктами труда ремесленников разных специальностей, причем клинок и рукоять могли быть изготовлены в разных местах и в разное время, и, во-вторых, спецификой источниковой базы, значительную часть которой (это касается как подлинных предметов, так и документальных описаний) составляют именно клинки без монтажки.

Предмет исследования – конструктивные особенности клинков сабель XVI-XVII вв.

Хронологические рамки исследования Хронологические рамки исследования соответствуют периоду XVI-XVII вв., характеризующемуся определенным единством форм клинкового оружия, употребляемого на территории Русского (Московского) государства, а также наличием данных как вещественных, так и письменных источников, проливающих свет на внешние особенности клинкового оружия.

Верхней хронологической границей исследования является рубеж XVII-XVIII вв. - период петровских реформ, весьма существенным образом изменивших вооруженные силы страны, а равным образом комплекс вооружения и характер функционирования оружия. В частности, сабля - важнейший для московской Руси вид клинкового оружия - практически полностью вытесняется из комплекса вооружения регулярной армии и утрачивает свой социально-культурный статус символа принадлежности к военному сословию.

Нижняя граница - рубеж XV-XVI вв. определена спецификой источниковой базы - наиболее ранний целиком сохранившийся образец сабли, употреблявшейся в Московской Руси, а также наиболее ранние сравнительно подробные документальные описания клинкового оружия относятся к началу - первой половине XVI в. Другим аргументом, позволяющим установить нижнюю хронологическую рамку именно таким образом выступает прослеженная по данным ряда вещественных и изобразительных источников трансформация сабель в начале XVI в. на территории Ирана, Турции и Венгрии, которая привела к складыванию основных определяющих черт сабель XVI-XVII вв. и повлияла в том числе на характер клинкового оружия, распространенного в России.

Целью работы является комплексное изучение ряда аспектов истории клинкового оружия, бытовавшего на территории Русского государства в XVI-XVII вв.

В **задачи** работы входит, во-первых, выявление специфики клинков сабель, употреблявшихся в Русском государстве XVI-XVII вв., во-вторых, опыт систематизации сабельных клинков рассматриваемого периода на основе комплексного анализа письменных и вещественных источников; в-третьих, выявление происхождения тех или иных форм клинков в контексте развития военного дела и клинкового производства в России и сопредельных регионах. Дополнительной задачей работы можно считать ввод в более широкий научный оборот малоизвестного комплекса сабельных полос из собрания Оружейной Палаты.

Степень научной разработки темы Специального обобщающего исследования, посвященного клинковому оружию России данного периода, к настоящему времени не существует. Несмотря на то, что уже в течение почти двух столетий сабли XVI-XVII вв. в том или ином виде привлекают внимание отечественных исследователей, характеристика сабель XVI-XVII вв. в историографии ограничивается исследованиями отдельных частных вопросов и единичными краткими замечаниями общего характера.

Методология исследования Методологической основой работы является метод комплексного источниковедения. В работе сделана попытка на основе сопоставления письменных и вещественных источников соотнести оружейную терминологию XVI-XVII

в. с определенными материальными реалиями. Предыдущий опыт подобной интерпретации применительно к клинковому оружию, в общей сложности датируется серединой XIX в., и, на взгляд автора, нуждается в существенной корректировке.

Научная новизна исследования Настоящее исследование представляет собой первую в отечественной историографии попытку специального комплексного изучения клинкового оружия XVI-XVII вв.

Практическая значимость исследования Работа может быть использована при атрибуции предметов вооружения XVI-XVII вв. из материалов археологических раскопок и музейных собраний, при составлении каталогов оружия, а также при подготовке музейных экспозиций.

Апробация работы Диссертация была обсуждена и рекомендована к защите на заседании кафедры археологии Исторического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова. Основные положения диссертации отражены в публикациях автора и докладах на заседаниях Сектора археологии Москвы Института Археологии РАН и Проблемного совета «Военная археология» при ГИМ, а также на конференции «Московские стрельцы 1670-х гг.: опыт комплексной реконструкции» (ГИМ).

Структура работы Работа состоит из Введения, четырех глав, Заключения, списка источников и литературы и Приложения.

Основное содержание работы

Во **Введении** обосновывается актуальность темы, определяются цели, задачи и хронологические рамки исследования.

В главе 1 - «Источники» - приводится подробная характеристика использованных в работе письменных и вещественных источников.

Полноценная разработка поставленной темы возможна исключительно при условии комплексного рассмотрения двух важнейших групп источников, а именно письменных и вещественных источников, которые последовательно рассмотрены в двух разделах главы.

Письменные источники, содержащие информацию о клинковом оружии, употреблявшемся в России XVI-XVII вв., делятся на две подгруппы. Первая из них – это нарративные источники (§ 1 первого раздела). Таковыми в данном случае являются записки иностранцев, посещавших в XVI-XVII вв. Московское государство. Это сочинения С. Герберштейна, Дж. Флетчера, Ж. Маржерета, И. Массы, П. Петрея, А. Мейерберга, Я. Рейтенфельса. Описывая различные стороны жизни государства «москвитов», иностранные наблюдатели обращали внимание и на вооружение русского войска. Описания клинкового оружия у авторов носят довольно краткий и схематичный

характер. Особенностью записок иностранцев о Московии является то, что в качестве источников авторами использовались не только личные наблюдения авторов, но и сочинения их предшественников. Этим обстоятельством объясняются многочисленные повторы одной и той же информации и сюжетов у разных авторов.

Следующую подгруппу письменных источников составляют документальные источники (рассмотрены в § 2). Эта подгруппа источников является значительно более информативной. Большинство из них хранится в фондах Российского государственного архива древних актов (РГАДА).

Основную часть документальных источников, использованных в настоящей работе, составляют списки-инвентари оружия и иного имущества. Это перечни имущества в духовных грамотах, описи имущества государевой казны, описи монастырских арсеналов, конфискованного в казну имущества и т.п. В настоящей работе были использованы следующие документальные источники: духовные грамоты служилых землевладельцев XVI в. (автор не работал с этими источниками напрямую и пользовался данными статьи А.В. Малова и Г.А. Тарасовой «Военный быт служилых землевладельцев по актовым источникам XV - 1-й половины XVII вв»), Опись казны Бориса Федоровича Годунова, составленная в октябре 7097(1588/1589) г., Перечневая роспись Оружейной казны 1647 г., Описные книги Оружейной палаты Кирилло-Белозерского монастыря 1668 г., Опись Оружейной казны 1686/1687 г., опись конфискованного имущества князей Василия и его сына Алексея Васильевича Голицыных 1689-1690 гг.

В разделе 2 первой главы рассмотрены вещественные источники. Специфика сабель XVI-XVII вв. в сравнении с оружием более ранних хронологических периодов состоит в том, что лишь весьма незначительный процент дошедших до нас образцов составляют археологические находки. Абсолютное большинство предметов происходит из музейных собраний. При этом основной объем последних, имеющих четкий исторический контекст, хранится в одном собрании - Оружейной Палате Московского Кремля.

Сохранившиеся образцы сабель, употреблявшихся в России XVI в. представлены единичными экземплярами. Сабли и сабельные клинки XVII в. более многочисленны. В настоящей работе использован 141 предмет (сабли, сабельные клинки, фрагменты клинков), о которых можно достаточно уверенно говорить, что они употреблялись в Русском государстве XVI-XVII вв.

Основную часть вещественных источников, использованных в настоящем исследовании, составляют предметы из коллекции Оружейной Палаты Государственных музеев Московского Кремля, включающие в себя 28 сабель и 98 сабельных полос. Собрание оружия Оружейной Палаты в ее нынешнем состоянии складывается из двух

комплексов. Это собрание собственно Оружейной Палаты, в основном сформировавшееся к концу XVII в., и собрание так называемой Рюст-Камеры, присоединенное к Оружейной Палате в 1810 г. Собрание Рюст-Камеры возникло из соединения ряда коллекций оружия, принадлежащих российским императорам и формировавшихся в различное время на протяжении XVIII в.

Собрание оружия государевой Оружейной Палаты представляет собой достаточно редкий комплекс находящихся в музейном собрании предметов, фактически полностью обеспеченных документацией эпохи их функционирования, так, что почти каждый предмет можно достаточно четко идентифицировать с определенным документальным описанием. В то же время во многих случаях эта идентификация требует определенных исследовательских усилий. К собранию Оружейной Палаты, зафиксированному Описью 1686/1687 г., можно в общей сложности отнести находящиеся в современном музейном собрании 18 сабель и 98 сабельных полос. Начало формирования собрания относится к периоду после окончания Смутного времени, однако известен ряд предметов, изготовленных существенно раньше, и попавших в Оружейную Палату в XVII в. (среди них рогатина тверского князя Бориса Александровича XV в. и сабля князя Ф.М. Мстиславского первой половины XVI в.), поэтому для некоторых образцов (в первую очередь, сабельных полос) нельзя исключать более ранней датировки. Идентификация предметов вооружения из собрания Оружейной Палаты по описям XVII-XVIII вв. была осуществлена во второй половине XIX в. заместителем директора музея Л.П. Яковлевым. Сабли из собрания Оружейной Палаты, в силу подробности их описаний, многочисленности деталей, специфических форм декора, его материала и т.п., могут быть опознаны по Описи 1686/1687 г. фактически бесспорно. Иную картину представляет собой атрибуция сабельных полос. Они в основном обладают значительно менее характерным обликом, нежели сабли с рукоятями и ножнами, а идентификация их требует более тщательного анализа терминологии и изучения различных, иногда довольно трудно уловимых, особенностей самих клинков. Опыт работы с этим материалом показал необходимость критического анализа атрибуций Яковлева.

Комплекс Рюст-Камеры включает в себя довольно значительное число сабель различного происхождения. В настоящем исследовании используются лишь 9 образцов, датировка которых периодом XVI-XVII в. и бытование их в России представляются бесспорными. Это подписная сабля князя Александра Ивановича Лобанова-Ростовского (?-1677), а также еще 8 сабель, датированных периодом не позднее XVII в., в основном, по аналогиям в собрании Оружейной Палаты.

В собрании Оружейной Палаты имеются еще несколько сабель, принадлежащих к рассматриваемому периоду и используемых в настоящей работе. Это две сабли царя Ивана Алексеевича, принятые в 1727 г. в Мастерскую Палату, и затем поступившие в Оружейную Палату, а также сабли К.З. Минина и Д.М. Пожарского, поступившие в Оружейную Палату из Троице-Сергиевой лавры, сабля боярина князя Бориса Михайловича Лыкова-Оболенского (?-1644), обнаруженная в Оружейной Палате в 1934 г.

В сохранившейся части собрания Государевой Оружейной Палаты значительную часть составляют богато украшенные дорогие экземпляры, в том числе сабли «большого наряда», являвшиеся частью парадного царского воинского облачения. В коллекции ненасаженных сабельных полос имеются также вполне «рядовые» клинки, которые вполне могли быть использованы служилыми людьми невысокого достатка. Это, например, хорошо опознаваемые «*немецкие*» сабельные полосы, среди которых в Описи 1686/1687 г. отсутствовали дорогие образцы, и которые в 40-х гг. XVII в. составляли основную часть хранившихся в Кремле «*росхожих*» сабельных полос.

Помимо материалов Оружейной Палаты, в работе были использованы 2 образца русского клинкового оружия XVII в. из собрания отдела оружия ГИМ, включая саблю князя Д.М. Пожарского, ранее хранившуюся в Соловецком монастыре.

В работе использованы также 2 предмета из собрания Государственного Эрмитажа - сабля боярина Дмитрия Ивановича Годунова, изготовленная между 1598 и 1605 гг., и сабля с персидским клеймом и русской надписью «*Сделана в Испахане лета 7185*» (1676/1677 - В.К.) на клинке.

Еще один используемый образец сабли XVI-XVII вв., был обнаружен в домашнем святилище в с. Ломбовож в таежном Приобье (Ханты-Мансийский АО). Рисунок сабли опубликован в монографии И.Н. Гемуева.¹ Автор определяет саблю как польскую карабелу XVII-XVIII вв.², однако подобная атрибуция представляется ошибочной. Истоки ее, как и во многих других случаях, видятся в том, что сабли XVII в. в принципе наиболее известны отечественному исследователю именно по польским публикациям.

Целиком сохранившийся образец сабли, предположительно датирующийся XVII в., происходит из материалов, полученных в ходе археологического надзора за строительством трассы второй очереди Московского метрополитена (1935-1936 гг.), в Яковлевском переулке (г. Москва).

Кроме целиком сохранившихся клинков, автору известны 6 фрагментов сабельных клинков, найденные при археологических исследованиях на территории Москвы и в ее

¹ Гемуев И.Н. Мировоззрение манси. Дом и космос. Новосибирск, 1990. С. 86. Рис. 70(1).

² Там же. С. 84.

ближайших окрестностях. Это 3 фрагмента сабельных клинков, обнаруженные при сборах на территории Тушинского лагеря³, а также 3 фрагмента клинков, обнаруженные при охранных работах на территории бывшего китайгородского подворья Троице-Сергиева монастыря на нынешней Биржевой площади в 1988⁴ и 1995 гг.⁵ Фрагменты клинков из Тушинского лагеря имеют точную дату их бытования: июнь 1608 - январь 1610 гг. (период существования лагеря). Керамические комплексы, сопровождавшие клинки с Биржевой площади, были аналогичны комплексу погребя с монетами царя Михаила Федоровича (1626-1645) из раскопок на ул. Забелина в 1988 г.⁶

В главе 2 – «Историография» содержится обзор отечественной историографии сабель XVI-XVII вв. (§ 1), а также историографии сабель XVI-XVII вв. в сопредельных странах и регионах (территории Речи Посполитой, Османской Империи, Ирана, Венгрии) (§ 2).

Конструктивная специфика русских сабель XVI-XVII вв. ни разу не подвергалась специальному исследованию. Отдельные соображения на этот счет высказывались в работах М.М. Денисовой. Сабли русской конницы XV – первой половины XVI вв., как пишет М.М. Денисова, имели заостренный книзу клинок и прямую крестовину. Со второй половины XVI в. распространяются широкие сабли «турецкого образца». Причины появления в России сабель турецкого образца, по мнению автора, могли быть «дипломатические отношения и борьба с Турцией, способствовавшие знакомству с турецкой саблей, а также подкрепление кольчуги на груди и спине сплошными металлическими пластинами – зеркалами, сквозь которые невозможно было нанести колющего удара. С XVII в. на вооружении конницы «все больше начинает применяться персидский тип сабли, более легкой и более совершенной по своей конструкции». Сабли второй половины XV - начала XVII вв. (представленные крайне немногочисленными образцами) в контексте комплекса вооружения Московского государства рассматривались в работах О.В. Двуреченского.

В тоже время сабли в составе комплекса вооружения Московской Руси привлекают внимание исследователей с начала XIX в. К их изучению так или иначе обращались А.Ф. Малиновский, А.В. Висковатов, А.Ф. Вельтман, Е. Кеммерер, Э.Э. Ленц. Важную веху в истории изучения вопроса представляет первый том «Исторического описания одежды и

³ Двуреченский О.В. предметы вооружения и снаряжения всадника и верхового коня из сборов на Территории Тушинского лагеря.// Проблемы археологии Подмосковья. Вып. . М., 2008. С. 255-276. С. 256.

⁴ Производственное сооружение середины XVII в. на китайгородском подворье Троице-Сергиева монастыря//Культура средневековой Москвы XIV-XVII вв. М., 1995. С. 256-269. С. 261.

⁵ Векслер А.Г., Двуреченский О.В. Комплекс вещей из сооружения первой половины XVII в. на Китайгородском подворье Троице-Сергиева монастыря.//Проблемы археологии Подмосковья. Вып. М. С. 166-181. С. 173.

⁶ Бойцов И.А. Ук.соч. С. 259. Векслер А.Г., Двуреченский О.В. Ук.соч. С. 167.

вооружения российских войск» А.В. Висковатова. В данной работе были заложены основные представления о вооружении Московской Руси, бытующее и поныне, и, в частности, толкование оружейной терминологии документов XVII в.

Непосредственную связь с темой исследования имеет также историография коллекций, содержащих образцы сабель XVI-XVII вв., и, в частности, крупнейшей из них – собрания Оружия Оружейной Палаты. Важнейшим рубежом в истории изучения собрания стала подготовка книги «Холодное оружие» «Описи Московской Оружейной Палаты, вышедшей в 80-х гг. XIX в. Автором книг «Броня» «Холодное оружие» и «Огнестрельное оружие» был помощник директора Оружейной Палаты в 1860-1867 гг. Л.П. Яковлев⁷. Им была проведена поистине титаническая работа, в ходе которой был введен в научный оборот огромный массив материала, прослежена история каждого экспоната по всем сохранившимся описям с 1687 г. включительно (описи Оружейной Палаты 1687, 1701, 1711, 1727, 1746, 1763 гг., реестр 1775 г., описи 1808 и 1835 гг., «опись Кабинета» 1737 г., опись Рюст-Камеры 1810 г.). Некоторые предметы, в частности, сабельные полосы, которые были перепутаны между собой в результате последствий пожара 1737 г. и последующей чистки, атрибутировались заново по Описи 1687 гг.

Выход в свет «Описи Московской Оружейной Палаты» стал своего рода переломным моментом в истории изучения древностей этого собрания. Несмотря на наличие некоторых ошибок и неточностей в атрибуциях, «Опись» стала непревзойденной научной базой данных и своего рода «фундаментом» для всех последующих исследователей, так или иначе затрагивавших тематику, связанную с коллекциями Оружейной Палаты.

При изучении русских сабель XVI-XVII вв. необходимо также обращение к историографии сабель в соседних и иных регионах, так или иначе оказывавших влияние на облик сабель, употреблявшихся в России. Это Речь Посполитая, венгерские земли, Османская Империя и Иран.

Наиболее обширная литература, посвященная саблям XVI-XVII вв., существует в Польше, где сабля является своего рода национальным символом. Вопросы происхождения, типологии, технических характеристик польских сабель XVI-XVII вв. весьма тщательно проработаны. Они затрагивались в работах С. Мейера, З. Жигульского, А. Надольского, С. Ледуховского, В. Квасневича и ряда других авторов. При наличии определенных расхождений в концепциях отдельных авторов, их общие выводы достаточно сходны.

⁷ Смирнова Е.И. К вопросу об авторстве книг «Холодное оружие», «Броня» и «Огнестрельное оружие» Описи Московской Оружейной Палаты. // Государственные музеи Московского Кремля. Материалы и исследования. М., 1973. С. 24-40.

Традиционно в польской историографии при изучении сабель основное внимание уделялось рукояти оружия. Этот принцип был впервые четко сформулирован в 30-х гг. XX в. С. Мейером. Во главу угла исследователем ставилось определение «национальной принадлежности» сабли, для чего важнейшим источником, по его мнению, являлась оправа, и, в частности, эфес сабли. Поэтому в большинстве работ клинки сабель подробно не рассматривались⁸.

Отдельно следует остановиться на работах Войцеха Заблоцкого. Данный автор, будучи профессиональным спортсменом-фехтовальщиком, уделяет основное внимание функциональным особенностям польских сабель. Объектом исследования становятся боевые свойства сабель, каждая из которых рассматривается как сочетание определенной формы клинка с определенной формой рукояти. Соответственно, характеристике сабельных клинков у В. Заблоцкого уделяется значительно большее внимание, чем у других польских авторов. Автором выработана оригинальная общая классификация сабельных клинков эпохи позднего средневековья - Нового времени (фактически единственная, встреченная в историографии). Одним из важнейших критериев данной классификации выступает геометрия профиля клинка.

В параграфе 2 настоящей главы рассмотрены также украинская и белорусская историография сабель XVI-XVII вв. (работы Д.В. Тоичкина, Ю.М. Бохана), выводы о саблях XVI-XVII вв. венгерских (Я. Кальмар) и турецких (У. Юджель) исследователей, работы отечественных (Э.Г. Аствацатурян) и европейских (В. Бехайм, Х. Сейц, Д. Александер, Э. Норт) ученых о восточном клинковом оружии.

Анализируя отечественную и зарубежную историографии сабель XVI-XVII вв., следует отметить, что в постижении данного предмета мировой наукой накоплен весьма значительный объем знаний. В то же время каждая из национальных историографий, в силу естественных причин будучи, как правило, замкнута на имеющемся в наличии материале местных собраний, зачастую оказывается неспособной решить некоторые ключевые вопросы истории вооружения, имеющих макрорегиональный характер, или же приходит в их решении к ошибочным выводам. Соответственно, при разрешении ряда вопросов истории сабли XVI-XVII вв. в странах Центральной и Восточной Европе, а также на Ближнем и Среднем Востоке, выводы различных

⁸ Zabłocki W. Cięcia prawdziwą szablą. Warszawa, 1989. S. 11.

национальных историографических школ часто взаимно дополняют друг друга, так, что результат при этом оказывается важен для проблем истории вооружения в каждой из стран в отдельности. Таким образом, важнейшей проблемой историографии рассматриваемого предмета – видится недостаточная открытость исследователю материалов (прежде всего, вещественных источников) хранящихся в различных странах и собраниях, и, как следствие, отсутствие единого информационного пространства. Подобного же рода проблема имеет место и между различными дисциплинарными аспектами историографии предмета – в первую очередь между изучением объекта на основе письменных источников с одной стороны и вещественных с другой, как то заметно на материалах отечественной историографии. Несмотря на наличие в ней ряда блестящих исследований, опирающихся на комплексный источниковедческий подход (пример – работы М.М. Денисовой), проблема комплексности подхода в изучении данной темы остается актуальной.

В главе 3 «Клинки сабель по данным письменных источников»

проанализированы данные о сабельных клинках, содержащиеся в письменных источниках. В разделе 1 «Материал и конструкция клинков» рассмотрены данные документальных источников о материале и конструкции сабельных клинков. В § 1 «Материал клинков» рассмотрены сведения о материале клинков, выявлены две основные категории клинков, выделяемые по материалу: булатные и стальные клинки. Отмечена принадлежность булатных клинков более дорогостоящему, элитарному оружию. Замечено также, что в документах, как правило, не указывается материал наиболее дешевых, «массовых» клинков.

В § 2 «Терминология частей клинка» рассмотрены встречаемые в документах XVI-XVII вв. названия частей и деталей клинка, произведена попытка их интерпретации. В ряде случаев отмечены расхождения с устоявшимся в историографии толкованием данных терминов, предпринятым в первой половине XIX в. А.В. Висковатовым.

В § 3 «Долю» анализируются данные письменных источников о такой важной черте облика клинков как доли – продольные углубления на клинке, увеличивающие его жесткость и уменьшающие вес. Рассмотрены встреченные в источниках данные о количественном соотношении клинков с долами и без них, выявлен ряд разновидностей долов на клинках (по их внешним особенностям и технологии выполнения), проанализировано их количественное соотношение. Основываясь на этих данных, можно с определенной долей уверенности говорить о том, что, по крайней мере, со второй половины 30-х гг., большая часть (примерно 60-80%) «рядовых» сабельных клинков,

употреблявшихся в России, имела долы, причем наиболее распространенной разновидностью последних являлись так называемые «*долы мелкие*». Популярность «*мелких*» долов, вероятно, во многом была обусловлена простотой их изготовления.

Для традиционных русских клинков более раннего времени, вероятно, было характерно отсутствие долов. Кроме того, сравнительно часто не имели долов дорогостоящие булатные клинки. Вероятно, большая твердость булатной стали, во-первых, делала более трудоемким вытачивание долов (если последние не были коваными) и, во-вторых, снимала потребность в них, поскольку булатный клинок и без того обладал достаточной жесткостью.

В разделе 2 «Декор клинков» рассмотрено их декоративное оформление. В § 1 «Техника декора» выявлены основные способы нанесения декора на сабельных клинках: «навод» (поверхностная таушировка) золотом и серебром, инкрустация золотом, серебром и полудрагоценными камнями, «резьба» (гравировка). Наиболее часто встречаемым в описаниях клинков способом нанесения декора оказывается «навод». Практически все виды орнаментации, кроме гравировки и, иногда, золочения, применялись лишь на дорогостоящих элитарных клинках. В § 2 данного раздела, озаглавленном «Орнаментируемые зоны клинка и формы орнаментации», рассмотрены форма, сюжеты и расположение украшений на клинке. Украшалась по преимуществу правая сторона клинка. Основными мотивами орнамента являлись растительные («*травы*») и эпиграфические (преимущественно арабские). Орнаментированными зонами клинка в первую очередь были ближайшие к эфесу части плоскостей (здесь могли иметь место наведенное золотом или серебром «*голомя*», «*решетка*», «*мишени*»), участок вдоль обуха («*от тыля*»), где могли помещаться надписи или же «*травы*», часто обведенные «*каймами*» и область центра удара («*елман*»). В отдельных случаях орнаментом покрывались все плоскости клинка целиком.

Раздел 3 главы 1 озаглавлен «Классификация сабельных клинков». В нем рассмотрена классификация сабельных клинков, прослеженная в источниках. В § 1 «Происхождение и образцы «выкова» клинков» рассмотрено деление клинков по происхождению и способу «выкова». Происхождение и разновидность (место и способ изготовления) клинка (или сабли в целом) являлись для современников важной информацией, служившей в том числе опознавательным признаком. В рассмотренных документальных источниках XVI-XVII вв. по данному критерию выделены следующие разновидности сабельных полос (клинков) или сабель вообще: «*гирейские*»; «*ширинские*»; «*нагайского дела*»; «*черкасские*» и «*на черкасское дело*»; «*турские*» и «*на турецкое дело*»; «*кизылбашские*»; «*угорские*» и «*на угорское дело*»; «*литовские*» и «*на литовское дело*»;

«польские» и «на польское дело» («выков»); «немецкие»; «тевризские» и «на тевризское дело» и полосы «русского дела». В следующих § 2- 13 данного раздела последовательно рассмотрена каждая из вышеперечисленных групп.

Анализ документальных источников позволил проследить некоторые характерные конструктивные и другие особенности клинков различного происхождения и образцов «выкова». Изучение распределения полос различного происхождения и образцов «выкова», их материала, цен и конструктивных особенностей по данным письменных источников XVI-XVII вв. позволило выявить некоторые закономерности. Так, в XVI в. русские воины достаточно широко использовали сабли, изготовленные на территории бывшей Золотой Орды («нагайские», «гирейские», «черкасские» и др.), были известны также турецкие, а с конца XVI в. - «кизылбашские» (иранские), «угорские» (венгерские) и «литовские» клинки. К XVII в. среди дорогостоящего, аристократического клинкового оружия преобладают сабли с булатными турецкими и персидскими клинками, в то время как «рядовые» массовые сабли имели в основном русские и «немецкие» полосы. Сохраняет свое влияние «черкасская» традиция производства сабельных клинков. «Черкасские», а также выполненные «на черкасское дело» русские клинки употреблялись относительно зажиточными воинами. Собственно русские клинки в XVII в. изготавливались по разным образцам «выкова», наиболее популярным из которых, по крайней мере, со второй четверти столетия, являлся «польский» образец.

В § 14 рассмотрена небольшая группа клинков, выделяющаяся по своим конструктивным признакам – «полосы зубатые». В § 15 рассмотрены клинки, выделенные в письменных источниках по своим размерным характеристикам. Это, в частности, клинки, названные в Описи казны Бориса Годунова и в Описи Оружейной Палаты Кирилло-Белозерского монастыря «недомерками», а также «сабля, полоса широкая», отмеченная в Описи Оружейной казны 1687 г. В заключении к главе изложены основные выводы, полученные при изучении сабельных клинков на основе письменных источников.

В главе 4 «Клинки сабель по вещественным источникам» проведен анализ сохранившихся подлинных образцов сабельных клинков, построена типологическая классификация сабельных клинков XVI-XVII вв. Раздел 1 главы 4 носит название «Вводные замечания» и предваряет описание классификации клинков, составляющей основное содержание главы. В данном разделе дополнительно характеризованы источниковая база (§ 1), визуально определяемые особенности материала клинков (при визуальном осмотре, как правило, удается различить клинки, изготовленные из булатной, сварочной дамасской и «обыкновенной» стали) (§ 2); размерные характеристики клинков (§ 3). Анализ последних в сравнении с обобщенными данными о восточноевропейских

сабельных клинках XIII-XIV вв., приводимыми в работах А.Н. Кирпичникова, показал, что клинки XVI-XVII вв. оказываются в среднем значительно короче и более сильно изогнуты, причем участок максимального изгиба полосы у клинков данного периода несколько смещен к острию. В § 4 описаны хвостовики клинков, построена их классификация.

Раздел 2 главы 4 посвящен непосредственно классификации клинков. В § 1 данного раздела сформулированы принципы классификации. Важнейшим признаком, на основе которого может быть построена классификация самих сабельных клинков, представляется форма их прилегающей к концу части. Непосредственными классифицирующими признаками выступают такие характеристики как наличие или отсутствие конструктивно выделенного расширения в прилегающей к концу части клинка («елмани» в традиционной терминологии) и также конструктивно выделенного колющего конца (острия). На основе этих признаков выделяются типы клинков. Следует, однако, заметить, что степень выраженности признаков может быть различной. Вместе с тем эти признаки выглядят более надежными в качестве критериев выявления основных классификационных единиц (типов), чем, скажем размерные характеристики клинков, группировка на основе которых всегда будет в большей степени произвольной. Помимо того, именно эти конструктивные особенности в наибольшей степени связаны с непосредственным замыслом мастера, а не со стечением случайных обстоятельств в производственном процессе. Размеры, пропорции, сечение и другие особенности клинков в рамках заявленных типов позволяют выявлять варианты и подварианты. Всего в результате было выделено 5 типов клинков, с рядом вариантов внутри каждого типа.

В § 2-7 данного раздела последовательно описаны выделенные типы клинков. Тип 1 составляют клинки «архаической» формы – без конструктивно выделенного расширения в прилегающей к концу части («елмани») и конструктивно выделенного острия, с обоюдоострым или однолезвийным концом, аналогичные в этом отношении восточноевропейским сабельным клинкам XI-XIII вв. (34 экз.). Внутри типа выделяются два варианта.

Вариант 1 объединяет клинки средней ширины со средним или сильным изгибом (29 экз.). Все подобные клинки (насколько это было возможно визуально определить) изготовлены из булатной стали. 6 клинков, принадлежащих к варианту 1 типа 1, в Описи Оружейной казны 1686/1687 г. определены как «кизылбаишские». О восточном происхождении говорят и арабские надписи на других клинках. Обращает на себя внимание также сходство рассматриваемых клинков с клинками персидских сабель «шемшир» («шамшир», «шамшер») XVIII-XIX вв. При этом, однако, между ними есть

определенные различия. Так, в частности, для классических «шемширов» характерны в целом более сильно изогнутые клинки. Таким образом, для данного варианта формы клинков можно достаточно уверенно предполагать иранское происхождение.

Вариант 2 типа 1 составляют узкие, довольно массивные клинки со сравнительно небольшим изгибом (5 экз.). Визуальный осмотр позволяет предположительно определить материал клинков как сварочную дамасскую сталь. Наиболее вероятным представляется связь данной разновидности сабельных клинков с «черкасским» образцом «выкова». Клинки варианта 2 типа 1 близки также к клинкам некоторых сабель, известных в польском оружейоведении под именем «ордынок» или «армянских» сабель. Двойное название сабель связано с двумя основными версиями их происхождения. Во-первых, считается, что, по крайней мере, некоторые подобные сабли (или же только их оправа) были изготовлены в XVII-XVIII вв. львовскими армянами. Основоположником гипотезы об армянском происхождении данной разновидности сабель был польский исследователь Т. Маньковский. Важнейшим аргументом в пользу данного тезиса является сабля, до войны находившаяся в собрании львовского музея им. Яна III Собеского, с армянскими надписями на клинке⁹. Во-вторых, происхождение подобных сабель связывают с крымскими татарами, основываясь, в том числе, на сходстве «ордынок» с восточноевропейскими кочевническими саблями XI-XIII вв. З. Жигульский называет в качестве прототипа сабли «армянки» сабли «кавказского или татарско-киргизского круга»¹⁰. Обращает на себя внимание тот факт, что многие детали оправы «ордынок» обнаруживают аналогии на саблях из северокавказских курганов. В частности, для «ордынок» типично покрытие рукояти, а иногда и ножен т.н. «ящером» - кожей акулы или ската с характерной зернистой структурой. По данным А.Х. Нагоева, рукояти некоторых сабель из кабардинских курганов были «инкрустированы мелкими костяными зернышками»¹¹. Характернейшей чертой «ордынок» было также покрытие ножен кожей или ящером с лицевой стороны и берестой с оборотной стороны¹². А.Х. Нагоев отмечает, что на саблях в кабардинских курганах часто сохраняются остатки деревянных ножен, «обтянутых кожей и берестой»¹³. Сходство между «ордынками» и саблями из северокавказских курганов проявляется также в форме коротких перекрестий без выделенных завершений, плоских завершений наверший рукоятей и наконечников ножен, обоймиц с продолговатыми щитками со стороны обуха (у «ордынок» превратившимися в

⁹ Квасневич В. Ук.соч. С. 33. Żygulski Z. Op.cit. S. 279-280.

¹⁰ Żygulski Z. Op.cit. S. 279.

¹¹ Нагоев А.Х. Материальная культура ... С. 35.

¹² Квасневич В. Ук.соч. С. 35.

¹³ Нагоев А.Х. Материальная культура ... С. 33.

декоративные расширения в виде «крыльев бабочки»). Любопытно, что конфискованная у князей Голицыных сабля «на черкасское дело» также имела покрытый ящером черен¹⁴.

Рассматривая вопрос о происхождении «ордынок», следует констатировать их значительную популярность в Речи Посполитой на рубеже XVII-XVIII вв. а также наличие ряда аналогичных сабель в отечественных музейных собраниях. Учитывая это обстоятельство, можно предположить, что подобные сабли имели хождение и на территории России. При этом, по данным письменных источников, крымско-татарские («*гирейские*») сабли, зафиксированные в документах начала XVI в., в XVII в. неизвестны. В свете всех изложенных фактов представляется возможным высказать предположение о том, что сабли «ордынки» («*армянки*», «*смычки*», «*чечуги*»), называемые так в Польше, могли быть ни чем иным как саблями, выполненными в русле северокавказской оружейной традиции, т.е., в русской терминологии XVII в. - «на черкасское дело».

По происхождению клинки из собрания Оружейной Палаты, принадлежащие к данному варианту, могут быть как собственно «черкасскими», так и (что более вероятно) русскими, изготовленными «на черкасское дело».

Тип 2 включает в себя клинки с конструктивно выделенным расширением в прилегающей к концу части («елманию») без конструктивно выделенного колющего острия. У конца клинка сравнительно широкие. Этот тип клинков наиболее многочислен. К нему принадлежат 69 клинков, что составляет примерно 50% от общего числа исследованных предметов. Внутри типа выделяются несколько вариантов, а также индивидуальные формы клинков.

К варианту 1 принадлежат клинки с елманию небольшого размера, образованной плавным расширением клинка к началу обратной заточки, и четко выраженным завершением обуха. Конец клинка умеренно широкий. Максимальная ширина елмани незначительно (на 1-3 мм) превышает ширину пяты клинка, иногда равна ширине пяты или несколько меньше. К данному варианту принадлежат 23 клинка. Все клинки, за исключением клинка сабли Д.М. Пожарского из собрания ГИМ, который, по данным М.М. Денисовой, является стальным, (насколько это возможно определить визуально и по данным литературы) изготовлены из булатной стали.

5 клинков, принадлежащих к варианту 1 типа 2, в Описи 1687 г. названы турецкими. Соответственно, вариант 1 типа 2 можно с определенной долей уверенности отождествлять с понятием о «турском» образце выкова. Сходные по форме клинки имеют некоторые образцы турецких сабель «*клих*» («*кличч*») XVII - начала XVIII вв. из собрания

¹⁴ РГАДА. Ф. 396. Оп. 2. Е.х. 938. Л.21.

ГИМ¹⁵. Важнейшая особенность варианта 1 типа 2 - елмань, образованная не ступенчатым выступом обуха, а плавным расширением клинка - «перо со скруглением» («*piógo z wyokrągleniem*») называется в качестве характерной черты турецких сабельных клинков XVI в. польским исследователем В. Заблоцким.

Некоторые клинки, принадлежащие к варианту 1, предположительно, имеют нетурецкое происхождение. Вероятно, такие клинки изготавливались и в Иране, но более типичны все же были для Османской империи. Клинок сабли Пожарского, согласно заключению М.М. Денисовой, изготовлен в России¹⁶.

Среди клинков типа 2 выделяются также клинки индивидуальных форм, близкие к варианту 1. К ним, в частности, принадлежит клинок сабли князя Федора Михайловича Мстиславского (?-1540). Он практически полностью сходен с клинками варианта 1 типа 2, но отличается значительно большей шириной.

Вариант 2 типа 2 объединяет клинки с елманью большого размера, образованной ступенчатым выступом¹⁷, и широким концом. К данному варианту принадлежит 31 клинок. Данный вариант определенно идентифицируется с фигурирующими в письменных источниках представлениями о «польском», «литовском» и «угорском» образцах выкова. Внутри варианта 2 типа 2 выделяются два подварианта. Подвариант 1 можно назвать «немецким». Клинки, принадлежащие к данному подварианту, в среднем несколько короче и шире у пяты, елмань выражена несколько слабее, конец клинка тщательно заострен. К этому подварианту относятся 8 клинков. На всех клинках имеются клейма европейского происхождения.

К подварианту 2 принадлежат клинки, отличающиеся от первого подварианта более крупными размерами, вытянутыми пропорциями и более четко выделенной елманью. Концы клинков в сравнении с «немецкими» полосами более тупые, у некоторых клинков острие как таковое фактически отсутствует. К данному подварианту принадлежит 21 клинок. Некоторые из этих клинков поддаются четкой идентификации по Описи 1687 г. как изготовленные «на литовское», «польское» или «угорское дело» («выков»). Соответственно, рассматриваемый подвариант предположительно можно отождествить с русскими клинками, изготовленными на «польский», «угорский» или «литовский» «выков».

Подвариант 2 варианта 2 типа 2 заслуживает особого внимания потому, что представляет собой специфически русскую, хотя, казалось бы, и основанную на иностранных образцах форму клинков. Безусловно, исходной формой были турецкие

¹⁵ Аствацатурян Э.Г. Турецкое оружие. Рис. на С. 95.

¹⁶ Денисова М.М. Палаш князя М.В. Скопина-Шуйского и сабля князя Д.М. Пожарского. С. 8, 11.

¹⁷ В польской терминологии такая конструкция елмани называется «перо с молотком» («*piógo z młotkiem*»).

сабельные клинки XVI в., отчасти переработанные на венгерской почве. Свой вклад в развитие данной формы клинков внесли итальянские и немецкие оружейники, а непосредственно в Россию данная форма клинков проникла через Польшу, причем польские клинки также обладали национальной спецификой. Тем не менее, русские клинки «венгерско-польского» образца, как показывает опыт их изучения, обладали специфическим набором характеристик, отличающих их от польских, венгерских и немецких аналогов. Эти признаки, вероятно, могут быть экстраполированы на русскую традицию производства сабельных клинков в целом. Так, русские клинки были достаточно длинными, сильно изогнутыми и сравнительно тяжелыми, с резко выраженной широкой елманью, занимавшей до $2/5$ длины клинка. По длине и массе русские клинки в среднем заметно превосходили польские, венгерские и немецкие аналоги. Очевидно, основным назначением таких клинков было нанесение мощного рубящего удара. Колющей функции сабли практически не придавалось значения. Вряд ли имело место фехтование саблями. О важности такого критерия как длина клинка свидетельствует отмеченное в письменных источниках определение сабельных клинков «недомерок». Выявляются также некоторые особенности оформления русских клинков. В частности, выясняется, что на клинках, изготовленных в России, достаточно часто ставилось генуэзское по происхождению клеймо «серпы». Своеобразным «клеймом», характерным для сабельных клинков, изготовленных в Оружейной Палате, оказывается также выбитый кружок в центре удара («на елмане»). Такой кружок, помимо рассмотренных выше клинков, имеется на полосе «на теврисское дело» работы мастера Тренки Акатова, изготовленной в 40-х гг. XVII в.

Вариант 3 типа 2 в сравнении с первыми двумя вариантами обладает менее четким набором признаков. Этот вариант условно можно назвать «персидским». К нему отнесено 11 клинков. В значительной мере этот вариант выделен в силу несоответствия данных клинков двум первым вариантам. При этом его основные формально-морфологические признаки могут быть выражены лишь на уровне тенденции, поскольку проявляются в полной мере не у всех отнесенных к данному варианту клинков. Проблематичность выделения данного варианта состоит и в том, что 8 из 11 отнесенных к нему клинков носят клейма одного мастера (Реджаб-Али Исфаханского) и весьма сходны между собой, между тем как оставшиеся 3 клинка отличаются от них более существенно. Основным признаком данного варианта выступает, во-первых, относительно неширокая елмань, образованная сравнительно плавным расширением клинка под острым углом, причем обратная заточка на елмани начинается от начала расширения, и обух сходит на нет достаточно плавно. Клинки, выделенные в вариант 3 типа 2, безусловно, были

изготовлены в Иране. Их, вероятно, следует рассматривать как специфическую местную версию клинков типа 2. Однако, в Иране в XVII в. данная разновидность клинков не была преобладающей, уступая в этом отношении варианту 1 типа 1. Вероятно, именно в силу отличия формы клинков работы Реджаб-Али от «типичных» «кизылбашских» полос составители Описи 1686/1687 г. затруднились определить их происхождение.

Вариант 4 представлен 3 клинками. Они характеризуются елманью средних размеров, выделенной выступом, и достаточно узким концом. Форму клинков можно описать как промежуточную между вариантами 1 и 2 типа 2 и вариантом 2 («тевризским») типа 4.

Происхождение данной формы клинков гипотетически может быть связано с североиранской (тевризской) традицией. Об этом говорит сходство данных клинков с клинками варианта 2 типа 4, убедительно связываемыми с зафиксированной в Описи 1686/1687 г. формулировкой «на теверисское дело».

К типу 3 принадлежат клинки без четко выраженного расширения в обоюдоострой части (елмани), имеющие удлиненный конструктивно выделенный (условно «штыковидный») колющий конец, который, как правило, утолщен и имеет четырехгранное сечение. Клинки имеют выраженную обратную заточку. В Описи Оружейной казны 1687 г. клинки с подобной формой острия называются «полосами штыком», в описи Оружейной Палаты Кирилло-Белозерского монастыря 1668 г. употреблен термин «конец вострой». К данному типу принадлежат 5 клинков. Внутри типа выделяются два варианта.

Вариант 1 объединяет максимально длинные клинки, которые в пропорциональном отношении выглядят узкими и относительно слабоизогнутыми. К данному варианту принадлежат 4 клинка. Исходной формой для возникновения подобных клинков безусловно послужили сабли адыгских народов Северного Кавказа. Последние, как уже отмечалось выше, широко представлены находками из раскопок северокавказских курганов.

Документальные описания сабельных полос также говорят о связи данной разновидности клинков с понятием о «черкасском» образце «выкова». Однако само по себе оформление полосы «штыком» не служило ни определяющим, ни обязательным признаком «черкасского» образца «выкова». Имелись полосы «на черкасское дело» без штыковидного конца. Вероятнее всего, это клинки, выделенные в качестве варианта 2 типа 1. Среди признаков, объединяющих их с полосами варианта 1 типа 3, можно назвать удлиненные пропорции клинка, относительно небольшую в пропорциональном отношении кривизну, отсутствие елмани и узкий конец. Все эти признаки могут говорить

о том, что «черкасская» традиция предполагала использование сабли как для рубки, так и для укола.

К варианту 2 принадлежат клинки стандартной длины, в пропорциональном отношении более сильно изогнутые и широкие в сравнении с вариантом 1. Этот вариант представлен всего одним клинком. Клинок опознается как сабельная полоса № 16 по Описи 1686/1687 г. - «полоса булат красной тевриская, от тыля по обеим сторонам долики с перерывцом, да по обеим же сторонам долик с опушкою, конец штыком». Данный клинок является единственным зафиксированным в Описи 1686/1687 г. образцом «тевризской» полосы. Помимо того, в Описи упомянуты две полосы, изготовленные «на тевризское дело». Налицо, таким образом, существование двух иранских традиций производства сабельных клинков - «тевризской» и собственно «кизылбашской». «Тевризский» клинок описан выше, полосы «на тевризское дело» несколько отличны и принадлежат к выделенному ниже типу 4 (вариант 2).

Тип 4 объединяет клинки с конструктивно выделенным колющим концом и также выделенным расширением в прилежащей к концу части (елманью). К данному типу принадлежат 11 клинков. Внутри типа выделяются два варианта, различия между которыми сходны с различиями между вариантами типа 3.

Вариант 1 составляют достаточно узкие умеренно искривленные клинки вытянутых пропорций с удлиненным узким острием, которое может быть как граненым, так и плоским. Форма клинков весьма сходна с клинками варианта 1 типа 3. Основное различие состоит в наличии у клинков варианта 1 типа 4 неширокой елмани. Помимо того, среди клинков данного варианта наряду с максимально длинными (1017-1025 мм), имеются полосы стандартной длины (871-872 мм). К данному варианту принадлежат 5 клинков. Клинки варианта 1 типа 4 проходят по Описи 1686/1687 г. как «полосы штыком». При этом, в отличие от полос варианта 1 типа 3, они не связываются с традициями «черкасского выкова». Очевидно, отличительным признаком «черкаских» полос «штыком» было отсутствие елмани. Елмань также не встречается на сабельных клинках со штыковидными концами из позднесредневековых северокавказских курганов. Вместе с тем пропорции клинков варианта 1 типа 4, их материал (дамасская сталь), особенности сечения указывают на связь с «черкаской» традицией. Вероятно, такая форма клинков возникла на иранской почве вследствие симбиоза северокавказских («черкаских») и североиранских («тевризских») традиций клинкового производства. Появление в России сочетания штыковидного конца клинка с елманью может иметь и местные корни, поскольку для России XVII в. сабельные клинки с выраженной елманью были уже глубоко укоренившейся формой.

Вариант 2 типа 4 можно назвать собственно «тевризским». Клинки, принадлежащие к данному варианту, в сравнении с вариантом 1 короче, шире и пропорционально сильнее изогнуты, острие выражено менее четко. Концы клинков не образуют удлиненных стержневидных «штыков», однако заметно уже, чем у клинков типа 2, имеют заостренные очертания и в некоторых случаях утолщены. Длина и ширина клинков в целом стандартные (имеются и нетипично широкие клинки), кривизна колеблется от умеренной до максимальной (142 мм по лезвию).

Налицо, таким образом, существование двух иранских традиций производства сабельных клинков - «тевризской» и собственно «кизылбашской». Для «кизылбашской» традиции характерно преобладание клинков варианта 1 типа 1, без долов, елмани и обратной заточки, часто со скругленным обухом. В то же время, в Описи пожитков Бориса Федоровича Годунова 1589 г. описание «кизылбашских» клинков соответствует основным признакам «тевризского» образца клинков по Описи 1686/1687 г. Это обстоятельство может быть объяснено следующим образом. Возможно, в XVI в. в Иране преобладали клинки, выполненные в «тевризской» традиции, в то время как на рубеже XVI-XVII вв. (в период правления Аббаса I) доминирующей становится иная традиция клинкового производства, связываемая с бытовавшим в XVII в. представлением о «кизылбашском выкове». Центром этой традиции, очевидно, был Исфахан, где в то время работали ставшие позднее легендарными мастера Ассадулла и его сын Кальб-Али. Что касается «тевризской» традиции, то она сохранилась, приобретя локальный характер. Элементы этой традиции (наличие конструктивно выделенной «пяты» - «голомени», неширокие глубокие долы с характерными округлыми завершениями и иногда с «перерывцами») можно наблюдать на некоторых образцах клинкового оружия народов Закавказья XIX в. В отличие от «кизылбашских» полос, принадлежащих к варианту 1 типа 1, клинки варианта 2 типа 4 послужили образцом для изготовления русских клинков. Русские клинки «на теверисское дело», имеющие четкую датировку, были изготовлены в 40-х гг. XVII в. Примечательно, что единственная зафиксированная в Описи 1686/1687 г. собственно «тевризская» сабельная полоса принадлежит к другому типу. Очевидно, североиранская («тевризская») традиция производства сабельных клинков в XVII в. не ограничивалась единственной их формой, однако в качестве эталона клинка «на теверисское дело» в России укоренился именно вариант 2 типа 4. По своему материалу (обыкновенная или дамасская сталь), цене и, вероятно, статусным особенностям полосы «на теверисское дело» были близки к полосам «на черкасское дело», являясь престижным и качественным, но при этом сравнительно доступным боевым оружием. О популярности полос «на теверисское дело» в Восточной Европе свидетельствует также и то, что клинки с явными

признаками варианта 2 типа 4 имеют две сабли, найденные на месте битвы под Берестечком¹⁸.

Тип 5 объединяет клинки с широким обоюдоострым концом без четко выделенной елмани. Клинки могут иметь небольшое расширение в прилежащей к концу обоюдоострой части, которое, однако, не выделено конструктивно. К данному типу принадлежат 9 клинков. Внутри типа выделяются два варианта.

Вариант 1 можно условно назвать «польским». К данному варианту принадлежит большинство клинков рассматриваемого типа (7 экз.). Ближайшую аналогию данным клинкам представляют собой клинки некоторых польских сабель XVII в. В частности, по основным конструктивным признакам и сечению (широкое распространение клинков с двумя широкими долами и близких к ним форм) к ним близки клинки так называемых «гусарских» сабель, распространение которых, как правило, относят ко второй половине XVII в.

Вариант 2 типа 5 может быть назван «персидским». Он представлен 2 клинками. Клинки, предположительно, типологически восходят к клинкам типа 2, от которых отличаются отсутствием четко выраженной елмани, которая подверглась своеобразной «редукции». В какой-то степени эти клинки можно считать переходной формой между клинками типов 1 и 2. Примечательно, что на клинках варианта 1 рассматриваемого типа данная тенденция не прослеживается. Европейские и русские клинки типа 5 не имеют выраженных черт переходности и выступают как устойчивая форма, достаточно резко отличная от клинков типа 2. Вместе с тем внешний вид европейских и иранских клинков типа 5 в основных своих чертах достаточно сходен.

В Заключении сформулированы основные выводы, полученные в результате проделанной работы. Изучение сабельных клинков, имевших хождение в России в XVI-XVII вв. на основе письменных и вещественных источников позволило проследить их значительную типологическую неоднородность. Эта неоднородность обусловлена как использованием в России клинков различного иностранного происхождения, так и существованием в русском клинковом производстве нескольких различных традиций. Фактически это проявлялось в практике изготовления русскими мастерами определенного набора специфических форм клинков, сознательно связываемых с той или иной традицией. Такая практика наиболее четко прослежена для мастерских Оружейной Палаты XVII в. Данные Переписных книг Оружейной Палаты Кирилло-Белозерского монастыря 1668 г. могут говорить в пользу более широкой распространенности подобного явления. Для XVI в. данные весьма отрывочны, однако они позволяют выявить некоторые

¹⁸ Свешников И. К. Битва під Берестечком. Рис. 58(1); 59(1).

тенденции, действовавшие на протяжении всего рассматриваемого периода. В XVI в., согласно данным письменных источников, имела место бóльшая дробность центров и традиций производства сабельных клинков. В XVII в. утверждается несколько крупных центров и традиций клинкового производства. Характерно, что страны и регионы, где в XVII в. находились крупнейшие центры производства сабельных клинков, не совпадали полностью с регионами, из которых происходили традиции «выкова».

Важнейшая, и, пожалуй, наиболее влиятельная в данный период, из крупных традиций производства сабельных клинков, в наибольшей степени определившая специфику клинков сабель XVI-XVII вв. может быть условно названа «переднеазиатской». Основным центром и проводником данной традиции выступает Османская империя. Большое количество общих черт и взаимосвязей обнаруживается между клинками Турции и Ирана. Поэтому представляется возможным объединить клинки этих стран в рамках данной традиции, выделяя в ней традиции второго порядка. Распространение переднеазиатской традиции напрямую связано с завоевательными походами османов. В течение XVI в. территориальный охват этой традиции включает в себя территории Центральной и Восточной Европы - первоначально (в первой четверти XVI в.) Венгрию, затем Речь Посполиту, территории Южной Германии и Северной Италии, ставшие крупными производителями сабельных клинков, шедших на импорт. На территорию России эта традиция проникает уже в первой половине XVI в., о чем говорит сабля князя Ф.М. Мстиславского. Основным проявлением данной традиции явилось широкое распространение относительно коротких и сильноизогнутых сабельных клинков с выраженной елманью и сравнительно широким концом (тип 2 в настоящей типологии). Влияние переднеазиатской традиции на клинковое оружие России проявилось как в производстве местных клинков, в основе конструкции которых лежали переднеазиатские образцы, так и в более или менее широком использовании привозных турецких и персидских клинков. Другим проявлением влияния переднеазиатской традиции можно считать достаточно широкое использование в качестве материала для производства дорогостоящего и высококачественного клинкового оружия в России булатной стали.

Внутри основного ареала переднеазиатской традиции клинкового производства выделяются традиции второго порядка. Это турецкая (османская) и иранская традиции. Внутри последней, в свою очередь, выделяются северная или северо-западная (тевризская) и условно «южная» (исфаханская) традиции.

Центральноевропейская традиция производства сабельных клинков первоначально явилась своего рода периферийной версией переднеазиатской традиции. Однако впоследствии, с XVII в., влияние данной традиции с комплексом ее своеобразных черт на

клинковое оружие России становится столь значительным, что имеет смысл выделять ее как самостоятельную традицию одного уровня с переднеазиатской. Основными центрами данной традиции выступали Польша и Венгрия. При этом главными очагами клинкового производства данной традиции стали периферийные для нее территории Северной Италии и, впоследствии, Германии. Основными формами клинков, характерными для данной традиции, были заимствованный из переднеазиатской традиции тип 2, который обрел здесь форму выделенного в настоящей работе варианта 2, и специфически местный вариант 1 типа 5. На территории России центральноевропейская традиция была представлена привозными немецкими клинками, польско-литовскими (возможно, трофейными) и венгерскими образцами, а также русскими клинками, изготовленными по польско-венгерским образцам. Последние обладали выраженной местной спецификой. Немецкие сабельные полосы, выполненные в русле центральноевропейской традиции, по степени своего распространения в России конкурировали с собственно русскими клинками. Что же касается русских клинков, то, по данным переписных книг Оружейной казны 1638/1639 и 1639/1640 гг., среди них преобладали клинки с «мелкими долами», также характерными для центральноевропейской традиции. Клинки варианта 2 типа 2, связанного с данной традицией, наиболее многочисленны среди сохранившихся клинков XVI-XVII вв., употреблявшихся в России. Предположительно, примерно со второй четверти XVII в. клинки польско-венгерского облика (в первую очередь, вариант 2 типа 2) являлись преобладающей формой среди русских клинков. Клинки, выполненные в центральноевропейской традиции, и, особенно, немецкие, являлись, по большей части, сравнительно недорогим и широко распространенным боевым оружием.

Третья крупная традиция производства сабельных клинков, имевшая распространение в России XVI-XVII вв. может быть названа «восточноевропейской». Данная традиция являлась древнейшей для русских земель. Эта традиция определенно восходит к клинкам восточноевропейских кочевнических сабель эпохи развитого средневековья. В XVI в., по данным письменных источников, фиксируются несколько локальных восточноевропейских традиций. Упоминаются «гирейские», «нагайские», «ширинские» и «черкасские» сабли. В XVII в. восточноевропейская традиция производства сабельных клинков была представлена одной «черкасской» (северокавказской) локальной традицией. Зона влияния «черкасской» традиции захватывала не только территорию Российского государства. Элементы «черкасской» традиции можно видеть также в облике распространенных в XVII-XVIII вв. в Речи Посполитой сабель «ордынок». Клинки, в основе формы которых лежали северокавказские («черкасские») образцы, изготовлялись также в Иране. Об освоении

«черкасской» традиции в русском клинковом производстве может говорить тот факт, что в документах XVII в. клинки, изготовленные «на черкасское дело», иногда с указанием на русское происхождение, фигурируют чаще, чем собственно «черкасские». Основными формами клинков, характерных для данной традиции, были длинные (сравнимые по длине с клинками XIV-XV вв.) клинки с удлиненным граненым концом и пропорционально умеренным изгибом (вариант 1 типа 3), а также более короткие и слабоизогнутые клинки с плоским нешироким концом (вариант 2 типа 1). Характерной особенностью всех форм клинков, связанных с северокавказской традицией является наличие, наряду с рубящей, отчетливо выраженной колющей функции. Об этом говорит умеренная кривизна клинков и их узкие приостренные концы, которые часто были удлиненными и гранеными, приспособленными к поражению противника через кольчатый доспех.

Таковы, в общих чертах, основные центры и традиции, определявшие облик сабельных клинков, употреблявшихся в России XVI-XVII вв. Однако клинки, изготовленные в России, обладали определенным своеобразием. Наиболее четко выраженной местной спецификой обладают русские клинки типа 2, и, в особенности, варианта 2 данного типа. В сравнении с аналогичными немецкими клинками «венгерско-польского» облика, русские клинки отличались большей длиной, более крупной и четко выраженной елманью и слабо выраженным острием. Любопытно, что клинки иной формы центральноевропейского происхождения, выделенной здесь как вариант 1 типа 5, изготовленные в России, напротив, характеризуются последовательно малой кривизной. Острие таких клинков, в ряде случаев оформлено так же, как у русских клинков варианта 2 типа 2. Однако данная особенность русских клинков, выполненных в центральноевропейской традиции, причудливым образом сочетается с популярностью клинков «черкасского» и «тевризского» образца, обладавших выраженной колющей функцией. Можно констатировать, таким образом, существование в России XVII в. своеобразных местных версий иностранных по происхождению форм клинков, каждая из которых обладала своими специфическими особенностями, нехарактерными для своих прототипов. Русские мастера-клиночники, по крайней мере, в Оружейной Палате, достаточно четко различали определенные типы клинков, последовательно выдерживая присущие тому или иному типу характеристики. Соответственно, не представляется возможным выявить какие-либо общие особенности, присущие всем русским клинкам. Возможно, единственной особенностью объединяющей большинство клинков, изготовленных в России, являются их сравнительно крупные размеры, в первую очередь длина. Русские сабельные клинки своими размерами в среднем превосходят, например, польские аналоги. Меньшими размерами, в сравнении с отечественными клинками,

отличаются многие сохранившиеся в Оружейной Палате немецкие сабельные полосы. Длина клинка всегда являлась одной из важнейших тактических характеристик клинкового оружия, и в Московской Руси ей уделялось соответствующее внимание. Более длинный клинок в условиях полевого сражения обеспечивал бойцу преимущество перед противником с более коротким оружием¹⁹. Не случайно в документах XVI-XVII вв. встречается такая характеристика сабельных клинков как «недомерок». Чем могут объясняться более крупные размеры русских сабельных клинков в сравнении с центральноевропейскими клинками, сказать сложно. Этот факт может объясняться разными причинами: восходящей к более раннему периоду традицией употребления длинных сабельных клинков; связями с использовавшей длинные клинки северокавказской сабельной традицией, чего не было, скажем в Польше, где сабля вошла в обиход лишь в XVI в. и воспринималась именно как короткое, в сравнении с мечом или кордом, оружие²⁰; иным способом сабельного боя - если в Польше в XVII в. имело место фехтование саблей, требовавшее от клинка легкости и мобильности, то в России основным назначением сабли могла быть одноактовая сокрушительная рубка, для чего был нужен более крупный и массивный клинок; стремлением иметь тактическое превосходство над противником (в первую очередь западным); наконец, возможно, более высоким ростом и крупным телосложением русских людей в XVI-XVII вв., отмеченными рядом западноевропейских наблюдателей.

Не разрешенным в настоящей работе остается вопрос о существовании некоей специфически русской разновидности сабли. Имеющиеся в наличии источники не позволяют ответить на него ни утвердительно, ни отрицательно. В письменных источниках встречаются упоминания сабельных полос «русского кованья» и «московского дела», однако на данный момент невозможно определить, обозначали ли данные формулировки только происхождение или же содержали типологическую характеристику клинков.

По теме диссертации опубликованы следующие работы:

1. Кренке Н.А. Курмановский В.С. Предметы вооружения XV-XVII вв. из раскопок Романова двора в Москве // Российская археология. М., 2008. № 1. С. 104-112.
2. Курмановский В.С. «Полоса на угорской выков ...» Сабельные клинки в России XVI-XVII веков // Родина. М., 2009. № 10. С. 131-133.

¹⁹ См. Кулинский А.Н. Немецкое холодное оружие. Т. 1. С. 80.

²⁰ Бохан Ю.М. Узбраенне войска ВКЛ другой паловы XIV - канца XVI ст. Мн., 2002. С. 119.

3. Кренке Н.А., Курмановский В.С. Предметы вооружения и снаряжения всадника XIV-XVII веков из раскопок Романова двора // Археология Романова двора: предыстория и история центра Москвы в XII-XIX веках. Материалы охранных археологических исследований. Том 12. М., 2009. С. 114-119.